

обходимо оплачивать питание и содержание заключенных, а так же платить за охрану.

1. ГАСО. Ф.172. Оп.1. Д.2. Л.1-1 об.
2. Там же. Л.1.
3. Там же. Л.2.
4. Там же. Л.2.
5. ГАСО. Ф.51. Оп.1. Д.582. Л.119.
6. ГАСО. Ф.47. Оп.1. Д.590. Л.23.

Смирнов С.В. (Екатеринбург)

Эффект «исторической реальности» в воспоминаниях бывших российских эмигрантов из Маньчжурии

Современная ситуация в области гуманитарного знания и, в частности, в истории, которую в известной степени можно было бы обозначить кризисной, актуализировала отношение к «исторической реальности», «прошлому, понимаемому как сумма того, что действительно произошло, [как чему-то] недостижимому для историка». Реализм в изображении, воссоздании прошлого оказывается понятием относительным, определяющимся системой репрезентативных стандартов, принятых в данной культуре, в данное время. Существуют различные реальности, соответствующие разным способам изображения мира, репрезентативным кодам (нечто подобное симулякрам Ж. Бодрийара), и не существует никакой первичной реальности, лежащей в основе всех других представлений о реальности (1). В этой ситуации исторический источник (нарратив) выступает не только носителем информации (более или менее объективной) о прошлой реальности, но и (или прежде всего) отражением системы представлений о прошлой реальности, характерной для определенной социальной группы, слоя, индивида в горизонте их коллективного и индивидуального исторического опыта. Как отмечает А.Л. Юрганов, в историческом источнике заключен «миф» его автора, разворачивающегося в тексте свое пространство смыслополагания (2).

Исследуя историю российской эмиграции в Маньчжурии (северо-восток Китая), мы выявили целый пласт источников личного происхождения, исходящих их среды бывших эмигрантов. Например, такими источниками являются воспоминания, публикуемые на страницах ряда печатных изданий региональных отделений общественной ассоциации «Харбин»: газеты «На сопках Маньчжурии» (Новосибирск), «Русские в Китае» (Екатеринбург), журнал «Русская Атлантида» (Челябинск) и др. Данный источник, несмотря на призывы отдельных авторов и редакций к «повышенному вниманию, ответственности, а также особой «чистоте» и истинности в изложении фактов и событий, равно как и уверенности в их полной достоверности» (3), является ничем иным, как отражением

системы коллективных и индивидуальных представлений ограниченной социальной группы об ее историческом опыте.

Одним из ключевых элементов картины прошлого, представленной на страницах периодической печати бывших эмигрантов, является историко-культурная уникальность российской эмиграции в Маньчжурии.

На макроуровне уникальность феномена российской эмиграции в Маньчжурии выражается в символическом, ставшем в 1990-е гг. широко распространенным определении – Русская Атлантида. Как, например, отмечалось в газете «Русские в Китае», «тема русской общности в Маньчжурии в первой половине XX столетия имеет один, весьма интересный и мало осмысленный аспект... Этот аспект касается способности русского человека к «обустройству» жизни, т.е. – к созданию ее культурных, цивилизованных форм, форм, которым не присуща уродливость от крайностей, а, напротив, где гармонично сосуществуют свободная инициатива и порядок, материальное богатство и духовность» (4).

Образ Атлантиды, мира, где сохранилась истинная русская традиция, духовность, на фоне разрушительных революционных потрясений в России, хорошо создан в стихах бывших эмигрантов:

«Мир детства был неповторим и тесен.

Подмять его пытались и распять,

Но край добра, труда и старых песен

Творил, писал и помнил букву «ять».

Мерцали в полумраке храмов свечи,

Лампадный свет струился у икон,

И обходили город бури, сечи –

Над Харбином плыл колокольный звон...» (5).

Элемент уникальности неизменно присутствует и на микроуровне, в описаниях исторически и географически локализованных «малых родин» бывших эмигрантов: «мой Хайлар», «мой Найджин-Булак» и т.п. При всем своем локальном разнообразии в описании «малых родин» бывших эмигрантов смыслообразующими элементами выступают «чисто русский характер», «строгое соблюдение старинного уклада жизни», «жизнь по извечным казачьим законам и традициям» и т.д.

Историко-географическая специфика описываемых «малых родин» в большинстве случаев уступает место их символическому отображению с характерным набором признаков: русская архитектура, русские социальные институты, русские традиции и обычаи и т.п. То, что не соответствует норме, имеет антисистемный характер, зачастую табуируется и не отображается. Наоборот, подчеркивается благотворный характер культурно-исторической ситуации и деятельности эмигрантских социальных институтов, прежде всего школы и церкви.

Представители этих институтов (учителя, служители церкви, руководители детско-юношеских организаций) приобретают черты идеальных (нормативных) личностей, окруженных ореолом подвижничества, патриотизма, выступающих хранителями и трансляторами обще гуманитарных ценностей и духовного совершенства. Вот эпизод из воспоминаний об учебных заведениях М.А. Оксаковской. «Закон Божий преподавал архимандрит Филарет, человек высокой эрудиции и глубоких знаний в области богословия, философии и политики.... Архимандрит Филарет очень спокойно и мягко общался с учениками и поражал нас проникновенностью и убедительностью своих бесед.... Сама Мария Алексеевна [Оксаковская] оказывала удивительно облагораживающее влияние на всех учеников. При ее появлении в зале, классе или коридоре наши ноги сами собой поднимали нас и руки вытягивались по швам. Наступал момент какой-то благоговейной тишины.... Ее присутствие было не довлеющим, а наоборот – ощущалась полная свобода духовного общения» (6).

Индивидуальность восприятия, осмысления, оценки прошлого, в той или иной степени выраженные в статьях бывших эмигрантов, сильно корректируются исходными смыслообразующими характеристиками российской эмиграции в Маньчжурии, как Русской Атлантиды. Изучая материалы периодической печати бывших эмигрантов из Маньчжурии, можно вполне оправданно говорить о том, что символический мегатекст (образ Русской Атлантиды) формирует контекст описания личностно локализованного исторического прошлого в многообразии индивидуальных текстов.

1. Гавришина О.В. Историческая наука в ситуации «постмодерна». По материалам работы Ф.Р. Анкерсмита «Эффект реальности в трудах историков» // РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Сер. 5. История. 1997. № 2. С.59, 62.
2. Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии // Вопросы истории. 2001. № 9. С.48.
3. На сопках Маньчжурии. Новосибирск, 1998. №51. С.6.
4. Русские в Китае. Екатеринбург, 1995. №1. С.1, 2.
5. Федоров Л. // На сопках Маньчжурии. 1997. № 43. С.1.
6. Там же. 2000. № 75. С.2.

Соколова Е.С. (Екатеринбург)

Поиски абсолюта: взгляд г-жи де Сталь на ментальную карту России XVIII – начала XIX вв.

14 июля 1812 г. дерзновенная и блистательная г-жа де Сталь пересекла в сопровождении своей семьи русско-австрийскую границу в Бродах по направлению к Киеву. Перед ней открылся «край весьма плодородный, но вовсе лишенный приятности: вокруг простираются бескрайние... поля» с редко разбросанными деревьями. Г-жа де Сталь была поражена бескрайностью и однообразием равнинного ландшафта: в крае,